

— К Лю-лю убежал, — отозвался Чжао-гэр.

— Вот как! — Фан Цзычэнь подхватил бумажного змея и легонько потянул супруга за рукав. — Пойдем тогда, запустим его вместе.

Чжао-гэр бросил неуверенный взгляд на жир, лежащий на разделочной доске.

— Может, я дома останусь? Мне бы его вытопить...

В этой короткой заминке читалось явное желание пойти. С тех пор как Фан Цзычэнь вернулся, Гуай-цзай не отходил от него ни на шаг, и его фулан не был исключением. Но тот, будучи взрослым человеком, обладал врожденной скромностью и не мог, подобно ребенку, открыто липнуть к мужу, а лишь следовал за ним преданным взглядом.

Время было еще не позднее, около четырех часов дня — самое подходящее время для прогулки. Фан Цзычэнь прихватил горсть сушеных фруктов и настойчиво потянул Чжао-гэра к выходу, уверяя, что сначала нужно развлечься, а по возвращении они всё переделают вместе.

Зарабатывать деньги в деревне было непросто. Бумажный змей стоил шестнадцать вэней — немалая сумма за вещь, которую нельзя съесть. Никто в деревне Сяохэ не стал бы тратить монеты на подобную блажь.

Вспомнив, как выручила их тётушка Лю, Чжао-гэр перед самым выходом вернулся в дом и отрезал добрый цзинь свинины. Грудинка была отменная — за такую на рынке не меньше тринадцати вэней попросили бы.

Поступив так самовольно, юноша поначалу немного оробел, но, вспомнив легкий нрав мужа, быстро успокоился. Всё же по дороге он счел нужным объясниться:

— Тётушка Лю сшила нам одежду, а отблагодарить её раньше было нечем. Теперь, когда ты купил мясо, я... я решил, что стоит отнести ей кусочек.

— Угу, — Фан Цзычэнь увлеченно возился со своим приобретением, даже не подняв головы. — Поступай как знаешь. Ты в доме хозяин, тебе и решать. Я в этих деревенских порядках не особо смыслю, но если человек помог — отплатить добром никогда не лишне. Долг платежом красен.

Чжао-гэр невольно улыбнулся.

Он вспомнил, как месяц назад они только начали жить под одной крышей. Проведя в семье Ма

больше десяти лет, он привык во всём спрашивать разрешения и поначалу боялся даже коснуться вещей в доме.

Фан Цзычэнь, заметив это, лишь беспечно отмахнулся:

«Хозяйничай тут как хочешь. Пока не начнешь у меня на голове плясать, можешь хоть крышу разобрать — мне всё равно, дом-то не наш»

Гуай-цзай и Лю-лю играли во дворе семьи Лю. Увидев отца, малец тут же бросил товарища и со всех ног бросился навстречу.

— Отец!

Он едва доставал мужчине до колен. Фан Цзычэнь присел, перехватил его ладошки и внимательно осмотрел их:

— Ну как, не болит больше?

Тётушка Лю и Чжоу-гэр, услышав голоса, вышли из дома. Юноша, следуя примеру супруга, вежливо поздоровался с ними. Женщина расплылась в приветливой улыбке:

— Проходите скорее в дом, я сейчас воды принесу.

Глава семейства только что пил дома, поэтому отказался. Пока Чжао-гэр перекидывался парой фраз с хозяевами, он протянул мясо. Тётушка Лю замахала руками:

— Да что ты, убери сейчас же! Подумаешь, пару рубах сшила, невелика заслуга. Забирай обратно!

Но фулан Фан и не думал отступать:

— Тётушка, примите, прошу вас. Иначе я больше не посмею к вам за помощью обратиться.

Женщина действительно не хотела брать такой дорогой подарок. Кусок был тяжелый, потянул бы на добрый десяток вэней, а семья Чжао-гэра и сама едва сводила концы с концами. К тому же Чжоу-гэр вчера принес весть с пристани: разгрузка закончилась, и Фан Цзычэнь остался без работы.

Видя её сомнения, супруг поспешил рассказать, что муж уже нашел новое место.

Услышав новости, тётушка Лю и Чжоу-гэр так и застыли от изумления.

«Башня Пьяной Ночи» была им хорошо знакома. Это был самый большой и роскошный трактир в городе Фуань. Обедали там только богачи в дорогих шелках. Проходя мимо, деревенские жители даже в сторону дверей смотреть опасались, чтобы ненароком не разгневать важных господ.

И Фан Цзычэнь теперь там счетовод? С жалованьем в три лана серебра? О таком положении в деревне можно было только мечтать — это было почетно и невероятно выгодно. В глазах соседей мужчина мгновенно превратился из простого работяги в уважаемого человека, почти как управляющий в крупной столичной лавке.

Тётушка Лю посмотрела на него совсем другими глазами.

«Магушки мои... Оказывается, этот парень не только кулаками махать горазд, но и талантами не обделен!»

Староста деревни был человеком немногословным, поэтому о происхождении Фана знали только то, что он прибыл из-за моря. Женщина затянула Чжао-гэра в дом и шепотом спросила:

— Так твой-то, выходит, грамоте обучен?

А как иначе стать счетоводом? Фан Цзычэнь как-то обмолвился супругу, что учился четырнадцать лет и даже понимает «язык птиц и уток» — такой вот он был выдающийся человек.

Чжао-гэр с гордостью кивнул.

Во всей деревне Сяохэ, не считая старосты, не было ни одной живой души, знающей письмо. Да и познания старосты были весьма скудны, но даже пара знакомых иероглифов делали его в глазах крестьян невероятно просвещенным человеком — иначе бы и на должность не выбрали.

В те времена грамотные люди пользовались безграничным уважением. Будь ты хоть сюцаем, на тебя смотрели снизу вверх.

Пока в доме шел разговор, Фан Цзычэнь на улице уже успел продемонстрировать ребятам бумажного змея во всей красе. Чжао-гэр всё не выходил, и Лю-лю, не выдержав, вихрем влетел в комнату:

— Дядя Чжао, идем скорее змея запускать!

На восточной окраине деревни протекал небольшой ручей. Глава семьи как-то ходил туда с домочадцами собирать водяной сельдерей и заметил просторную лужайку — идеальное место для игр.

Чжоу-гэр тоже увязался за ними. Змей в форме огромной ласточки взмыл ввысь, ловя порывы ветра. Он парил в небесах с величием истинного владыки, осматривающего свои владения.

Фан Цзычэнь вел себя как настоящий предводитель детворы. Он бежал впереди, крепко сжимая бечевку, а Гуай-цзай и Лю-лю с восторженными криками неслись следом. Они никогда прежде не видели таких чудес. Мужчина по очереди давал им подержать нить, и счастью детей не было предела.

Чжао-гэр достал сушеные фрукты и поделился ими с Чжоу-гэром. Его глаза сияли, когда он смотрел на мужа. Друг не удержался от подколки:

— Да очнись ты уже! Дома на него не насмотрелся, что ли? И здесь глаз не сводишь.

Юноша мгновенно вспыхнул до корней волос:

— Что за глупости ты говоришь...

Смех ребят не смолкал. Они носились по траве, пока пот не начал градом катиться по лицам. Игрушка была диковинкой для этих мест, поэтому вскоре на окраине собралась толпа любопытных детей и женщин, наблюдавших за забавой издали.

Ма Вэнь, проходивший мимо с охалкой хвороста на плечах, на мгновение замер. Его взгляд, полный неясных чувств, остановился на Чжао-гэре.

Тот с каждым днем словно расцветал, становясь всё более ярким и недостижимым.

Веселье захватило всех. В какой-то момент Фан Цзычэнь даже втянул в игру обоих гэров. И вот они уже все вместе, забыв о солидности, с хохотом бегали за ласточкой по лугу.

Чжоу-гэр поначалу пытался соблюдать приличия, но Фан Цзычэнь руководствовался простым правилом: «друзья жены — мои друзья», и просто не оставил ему выбора.

Пробежав так весь вечер, Чжао-гэр спохватился: нужно было еще вытопить жир. Когда солнце начало клониться к закату, он потащил своих домочадцев домой.

Гуай-цзай пропотел насквозь, его аккуратный пучок на макушке съехал набок, а щеки покраснелись, как спелые яблоки. Крепко сжимая руку отца, он задрал голову:

— Отец, а мы еще придем сюда играть?

— Неужто не устал? — усмехнулся Фан Цзычэнь.

— Совсем нет! Это было так весело! — отозвался малец, сияя улыбкой.

Вернувшись, Чжао-гэр дал себе лишь минуту передышки и сразу принялся за дело.

Жир он нарезал крупными кусками, размером с кулак — мельчить было ни к чему. Новый котёл был достаточно просторным, и вскоре по дому поплыл густой, сводящий с ума аромат.

Фан Цзычэнь в прошлой жизни был белоручкой — домашняя прислуга готовила исключительно на дорогом привозном масле. Откуда ему было знать этот упоительный запах смальца? Теперь он и Гуай-цзай замерли у плиты с блаженными лицами.

Малыш, не в силах сдержаться, сглатывал слюну:

— Папа, как же вкусно пахнет!

Мужчина вдыхал аромат, как вдруг почувствовал недоброе в животе. Кишечник предательски скрутило — похоже, та миска хуньтуней, съеденная в городе, решила заявить о себе.

Бросив дрова, он коротко велел супругу присмотреть за огнем и пулей вылетел во двор. Гуай-цзай, хлопая глазами, секунду медлил, а потом бросился следом.

Когда процесс избавления от лишнего в нужнике был в самом разгаре, за дверью послышался какой-то шорох.

Фан Цзычэнь заглянул в щелку и увидел сына. Тот сидел на корточках спиной к нему — маленький, забавный комочек.

«...»

— Гуай-цзай? Ты чего там делаешь? — спросил Фан, чувствуя себя так, словно его охраняет стражник.

Малец вскочил и обернулся:

— Я принес отцу палочку!

<http://bllate.org/book/15357/1422926>